

Марина Нигри

КОРОЛЕВСТВО УИНФИЛДА

Марина Ниيري

Королевство Уинфилда

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нири М.

Королевство Уинфилда / М. Нири — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Знакомьтесь: Уин-Зубоскал — фигляр, хулиган, анархист, символ мрачного английского юмора. В возрасте десяти лет он чудом вырвался из бандитской шайки и попал под суровую опеку доктора Гранта, кембриджского выпускника, изгнанного из медколлегии. Хотя раны на лице ребёнка затянулись, отказаться от криминальных замашек оказалось не так просто. При первой возможности он собирает свою собственную шайку, состоящую из грузчиков и чернорабочих. При свете дня Уин ворует револьверы с оружейного завода. По вечерам он со своей малолетней собутыльницей Дианой, хрупкой ведьмой с волчьими глазами, развлекает лондонскую публику в кабаках. Когда правда о его происхождении выходит наружу, у юноши появится шанс сыграть злую шутку с английской аристократией и повлиять на судьбу страны. Но согласится ли Диана отпустить возлюбленного в новый мир, распахнувшийся перед ним? Впервые опубликованный в 2009 году роман «Королевство Уинфилда», написанный в духе викторианского неоромантизма, получил признание в Великобритании и США.

© Нири М.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	7
3	10
4	12
5	14
Часть вторая	16
1	16
2	19
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Нири

КОРОЛЕВСТВО УИНФИЛДА

Чем темнее прошлое, тем светлее будущее...

Часть первая

РОСКОШНОЕ ИЗГНАНИЕ ДОКТОРА ГРАНТА

(Ноттингем, 1828–1831, и Бермондси,
квартал Саутворка, 1831–1839)

1

Томас Генри Грант прослыл шарлатаном, хоть его медицинская карьера и началась вполне традиционно. В 1828 году он окончил Кембридж и тут же получил должность семейного лекаря в поместье барона Миддлтона с весьма завидным жалованием в пятьсот фунтов стерлингов в год. В те времена все молодые врачи окунались в работу сразу после окончания университета, безо всякой предварительной практики. Они были образованны в наилучших греческих и латинских традициях, и от них не требовалось бродить по коридорам больниц с целью набраться опыта. Считалось оскорбительным допытываться у врача, сколько раз за всю карьеру ему доводилось держать скальпель. Кембриджским мальчикам ещё на первом курсе внушили, что доктор – джентльмен в меру своего занятия, а потому освобождён от грязной ручной работы, которую выполняли хирурги-ассистенты, стоявшие по рангу на ступень выше цирюльников и мясников.

При Вильгельме Четвёртом и позднее при Виктории английские врачи пережили некое подобие Золотого века. Их не сковывали никакие запреты. Получив диплом, они имели полное право удовлетворять своё научное любопытство, нередко ценой жизни пациентов. Врачи скупали все восточные новинки, которые только входили в моду. Поток опиума стёрли границы между традиционной медициной и знахарством. Ничто не пресекалось законом, кроме вивисекции.

Это поколение врачей, воспитанное в духе полной безнаказанности, прославилось своей надменностью. У этих полубогов была одинаковая осанка, одинаковая походка. Врача сразу можно было узнать по приподнятому подбородку и лениво приспущенным векам.

Том не отличался от своих коллег, переняв все характерные повадки кембриджского выпускника. Он загадочно шурился, заламывал бровь и томно растягивал слова, даже произнося смертельный диагноз.

– Ваше сердцебиение напоминает симфонию Парселля, которые прерываются неожиданно.

Что касается внешности Тома, его главной отличительной чертой было полное отсутствие каких-либо запоминающихся особенностей. Трудно представить более заурядное англосаксонское лицо. В нём не было никаких явных недостатков, но в то же время его трудно было назвать привлекательным. У Тома были прямой, чуть удлинённый нос, острый подбородок и тонкие губы. Его глаза были цвета воды в Темзе – нечто среднее между серым и зелёным. Их выражение казалось таким же неопределённым, как и цвет. Трудно было угадать, какие чувства обуревали этого человека. Ни тоска, ни гнев, ни веселье не выступали на первый план.

В целом, Том производил благоприятное впечатление на пациентов. У него не было ни назойливых жестов, ни странных привычек. От него не стоило ожидать ни подвигов, ни преступлений. Он излучал собранность, уравновешенность и непредвзятость. Этими достоинствами он, по его словам, был обязан своему добровольному изучению философии. Считалось, что учёным для душевного равновесия не помешает дополнительное гуманитарное образование. Том окончил Кембридж с двойным докторатом – в области медицины и философии. Далеко не все его одноклассники могли похвастаться подобными достижениями. А потому его высокомерие было вполне оправданно. Он, как никто другой, имел право задирать нос.

Впрочем, тщеславие Тома не выходило за рамки приличий. Он не напрашивался на похвалу, но и не отказывался от неё. На лестные слова он отвечал лёгким кивком и вялой улыбкой, в которой не было ни намёка на признательность.

Именно таким образом он и привлёк внимание лорда Генри Виллоуби, барона Миддлтона. Лорд и его будущий врач смирли друг друга надменными взглядами и на этой ноте заключили контракт.

Через неделю Том перебрался в поместье Миддлтона в Ноттингемшире, где для него было отведено целое крыло дома с частным балконом, выходящим на яблоневый сад, мраморной ванной и библиотекой.

По традиции врачам разрешалось сидеть за столом с остальными членами семьи, но Том предпочёл, чтобы ему подавали пищу в его квартире, по его личному расписанию. Его вкусы не совпадали со вкусами лорда. Миддлтон любил разнообразие, а Том мог есть черепаховый суп на обед и филе-миньон три раза в день. Дабы угодить своему врачу, барон нанял отдельного повара, который хорошо разбирался в континентальной кухне.

Гастрономические привилегии включали неограниченный доступ к винному погребу. Если Тому было лень самому спускаться, он мог послать туда одного из слуг. Бутылки доставляли уже откупоренными, на подносе, с бокалом и салфеткой. Том мог заказать бутылку мерло, выпить один глоток и тут же потребовать бутылку бургундского.

Ему также разрешалось пользоваться ипподромом, но от этой привилегии он тоже отказался, потому как не любил животных. От него требовалось сопровождать барона на охоту и держать при себе медицинский портфель. Тому пришлось побороть свою нелюбовь к лошадям и научиться с горем пополам ездить на них. Это было, пожалуй, единственным неприятным пунктом в его контракте. К счастью, барон не был заядлым охотником и выезжал не больше двух-трёх раз в год. После каждой поездки он выплачивал врачу ещё сто фунтов в дополнение к положенным пятистам.

У Тома был ассистент по имени Тед Фрейзер, хирург, одновременно изучавший гематологию, которая почти не тронулась с места, с тех пор как итальянский врач Марчелло Мальпиги опубликовал свои первые труды в XVII веке. Этот пробел в западной медицине приводил Фрейзера в негодование. Он откладывал деньги из собственного заработка на свои научные исследования.

Том восхищался своим ассистентом, который был ещё более нелюдимым, чем он сам. Не будь они оба такими безнадёжными отшельниками, то стали бы близкими друзьями. А пока им хватало того, что они работали вместе. Их нельзя было назвать коллегами, учитывая разницу в статусе, но Том никогда не подчёркивал эту разницу и относился к хирургу как к равному.

В отличие от Тома, мистер Фрейзер не проживал в имении барона. Он снимал отдельную квартиру, которая одновременно служила ему лабораторией.

Можно сказать, что жизнь Тома была вполне терпимой, порой даже приятной. Его радовали уединение, монотонность и предсказуемость. Том мог бы так жить ещё лет пятьдесят. Очевидно, у Бога были другие планы.

2

Однажды летом в 1831 году к барону приехал племянник Эдди, четырнадцатилетний повеса, и тут же помчался на ипподром. Глядя, как избалованный мальчишка переворачивает дом своего дяди вверх дном, Том ещё раз убедился в том, что поступил благоразумно, отказавшись от затеи обзавестись собственной семьёй. Он жалел барона Миддлтона, которому выпало развлекать бесёнка у себя в имении на протяжении целого месяца. Но больше всех Том жалел лошадь. Разумеется, Эдди выбрал самого дикого жеребца в конюшне, который ещё был толком не объезжен, и заставил его прыгать через самый высокий барьер, беспощадно вонзая шпоры ему в бока. Неприятность не заставила себя долго ждать. Лошадь резко затормозила перед барьером – и Эдди вылетел из седла.

Всё это случилось на глазах у Тома, который в это время прохлаждался на балконе, помешивая остывший чай серебряной ложкой и прислушиваясь к нежному звону металла о фарфор. Увидев, как мальчишка упал с лошади, он лишь поморщился и покачал головой. Как досадно, однако, что такое безмятежное утро было испорчено! Бережно, чтобы не разлить чай, Том поставил чашку в сторону, одёрнул пиджак и неторопливым шагом вышел во двор. Барон Миддлтон тоже услышал шум и бросился на помощь бьющемуся в истерике племяннику.

К всеобщему удивлению, мальчишка не получил серьёзных увечий. Он отделался сломанным ребром, на которое Тед Фрейзер под руководством Тома наложил тугую повязку. Когда процедуры были завершены, юный пациент прохныкал тонким, почти девчачьим голосом:

– Дядюшка, застрелите эту гадкую лошадь! У меня на глазах!

При всей своей неприязни к лошадям в эту минуту Том ещё больше возненавидел своего пациента.

– Молодой человек, – сказал он, – я боюсь, что зрелище экзекуции не пойдёт вам на пользу.

Эдди клялся, что он не чувствовал боли, и умолял дядю разрешить ему посмотреть, как будут стрелять лошадь, но Том назначил пациенту две недели постельного режима, оправдывая это тем, что сломанное ребро может проколоть лёгкое и вызвать внутреннее кровотечение. В глубине души Тому просто хотелось проучить строптивого мальчишку. Он знал, что вынужденное бездействие будет для Эдди сущей пыткой.

– Всё делается вам во благо, молодой человек, – заключил Том тоном, не терпящим возражений, и, злорадствуя, удалился к себе.

В комнате пациента остался Тед Фрейзер, пока его вечером не сменила сиделка.

Так прошла неделя. Врач и хирург посещали Эдди несколько раз в день. Тому было отрадно наблюдать, как мальчишка страдал от своего заключения. В конце каждого визита он повторял свою привычную фразу: «Всё делается вам во благо».

На десятый день пациент начал впадать в сонливость. Он уже не требовал, чтобы его выпустили на волю. Когда сиделка принесла ему ужин, он даже не поднял головы с подушки.

Сначала эти перемены в поведении Эдди не слишком встревожили Тома. Он принял их за признак раскаяния.

В тот же вечер, когда Том уже собирался ложиться спать, мистер Фрейзер постучал в его дверь.

– Доктор Грант, – позвал он с несвойственной ему тревогой. – Мне кажется, у Эдди лихорадка.

Том вздохнул с досадой, переоделся в рабочую одежду и вернулся в комнату пациента. Сиделка в эту минуту клала холодные компрессы ребёнку на лоб. Мистер Фрейзер раскладывал

хирургические инструменты на столе. Барон Миддлтон расхаживал по комнате с дымящейся трубкой в руке.

– Что это значит? – спросил он, увидев Тома. – Мой племянник шёл на поправку. Два дня назад он был готов выпрыгнуть из постели. Почему у него жар?

– Мы ещё не знаем, милорд, – признался Том. – Уверяю вас, мальчик в надёжных руках.

– Очень хочется в это верить. Не скрою, я неприятно удивлён происходящим. Родители мальчика придут к утру. Готовьтесь, доктор. Они потребуют от вас объяснений.

Сиделка подложила мальчику под спину подушки, потому что у него не было сил сесть самому. Дотронувшись до лба пациента, Том понял, что дело обстояло намного серьёзнее, чем он ожидал.

– Мистер Фрейзер, снимите повязки, – обратился он к хирургу. – Проверим грудную клетку.

Доктор и хирург склонились над пациентом, считая его пульс, слушая его дыхание, переговариваясь друг с другом полусёпотом. Барон Миддлтон стоял в углу, наблюдая за каждым их жестом. Он не понимал латинских терминов, которыми они обменивались, и это его ещё больше бесило.

– Так вы скажете, наконец, в чём дело? – спрашивал он каждые две минуты.

– Терпение, милорд, – отвечал Том, не поднимая головы.

Эдди уже никак не реагировал на происходящее. Когда врач задавал ему вопросы, он не отвечал. Его глаза были закрыты. Иногда приступ сухого кашля сотрясал его тело.

Наконец Том выпрямился и повернулся лицом к барону Миддлтону.

– Милорд, – начал он, – вынужден сообщить, что у вашего племянника развилась пневмония.

Барон чуть не выронил трубку.

– Вы хотите мне сказать, что кость всё-таки проткнула лёгкое? Ваш хваленый мистер Фрейзер плохо выполнил свою работу?

– Мистер Фрейзер не виноват, – заступился Том за коллегу. – Уверяю, милорд, он выполнил свою работу безупречно. Сломанное ребро хорошо срастается. Я сам проверил. Кость не сдвинулась.

– Тогда почему у него жар?

– К сожалению, милорд, пневмония является одним из возможных осложнений продолжительного постельного режима. Но я ещё не видел, чтобы это случалось с такими юными пациентами и всего после одной недели. Признаюсь, меня это удивляет.

Барон Миддлтон швырнул трубку на пол, рассыпав пепел по паркету.

– Это всё, что вы можете сказать в своё оправдание, доктор Грант? Мой племянник умирает из-за вашей халатности, а вы тут стоите и удивляетесь!

Нарушая все правила этикета, Том взял барона за локоть и подвёл его к двери.

– Умоляю, милорд, продолжим этот разговор в коридоре. Мы не должны так говорить в присутствии пациента. Нельзя его пугать.

К удивлению Тома, барон послушался и вышел из комнаты.

– Ну? – спросил он, когда они оба стояли в коридоре. – Это, попросту говоря, смертельный приговор?

– Вовсе нет, милорд. Были случаи, когда пациенты поправлялись после пневмонии. Учитывая юный возраст Эдди и относительно крепкое здоровье, я бы сказал, что у него есть приличный шанс встать на ноги.

– А «приличный шанс» – это что по вашим меркам?

– Один из трёх.

Барон молча кивнул, будто ответ доктора его удовлетворил, и, облокотившись на подоконник, взглянул на подъездную аллею, освещённую фонарями. Казалось, он ждал кого-то.

Том растолковал молчание своего господина как знак того, что разговор завершился, и направился обратно в комнату пациента. Вдруг он услышал голос барона за спиной.

– Не вздумайте туда идти.

– Но пациент нуждается в моих услугах.

– Да вы смеётесь! Неужели вы всё ещё думаете, что мой племянник – ваш пациент? Не смейте к нему подходить. Слышите? Я уже послал за адвокатом.

Том поперхнулся.

– Зачем, милорд?

– Считайте, что наш контракт прерван. Вас поведут в суд независимо от исхода событий. Если мой племянник поправится, вас будут судить за небрежность, а если не поправится – за убийство. На вашем месте, доктор Грант, я бы начал молиться. Ах, да, вы не молитесь! Конечно, вы учёный. Как я мог такое забыть? Атеизм нынче в моде. Так или иначе, доктор Грант, считайте что вашей медицинской карьере пришёл конец. Больше вам не удастся исцелить ни одного дворянина.

3

Эдди не умер, но Том всё же потерял своё право практиковать медицину. Барон Миддлтон выполнил своё обещание.

Кембриджские коллеги Тома не сказали ни слова в его защиту, ибо врачи не отличаются солидарностью. Им было отрадно видеть, как их конкурента стёрла в порошок судебная система. Тем не менее, они поражались тому, как спокойно Том перенёс свой позор. Он не отрицал своей вины, но и не извинялся перед своим бывшим господином. Считал ли он наказание справедливым? Быть может, в глубине души он был даже рад уйти из медицины.

Том не собирался удовлетворять злобное любопытство своих бывших коллег. Сразу же после суда он собрал свои книги и исчез, ни с кем не попрощавшись.

Несколько лет спустя коллеги узнали, что он устроился в Бермондси, районе Саутворк, на южном берегу Темзы. Он купил маленькую таверну «Золотой якорь», на перекрёстке Каунтер-Лейн и Стоун-Стрит. Налево от таверны красовался пивной завод, а направо – древесный склад.

Том оказался в приятнейшей компании. Завсегдатаи его таверны были, как правило, молчаливыми и замкнутыми. Они заказывали виски, платили и уходили. Если они и разговаривали, то только друг с другом, на жаргоне, присущем их профессии, и на соответствующие темы, за что Том был искренне признателен.

Несмотря на то, что он провёл несколько лет, разливая пиво грузчикам и морякам, его речь оставалась чистой и правильной. Он не перенял лексикон своих клиентов. И хотя Том никогда не чеголял своим кембриджским образованием, всем сразу становилось ясно, что он не уроженец Бермондси.

Как у всех представителей медицинской профессии, у Тома была густая, короткая, безупречно ухоженная борода – усы носили в основном адвокаты и коммерсанты. Его посетители либо брились гладко, либо вообще не брились. Том носил белые рубашки с жилетами из серого твида, в то время как посетители носили шерстяные свитера. Нет, он вовсе не стремился подчеркнуть разницу между собой и своей клиентурой. Просто ему не хотелось, чтобы одежда, которая в своё время обошлась ему в приличную сумму, пропадала. Он приобрёл весь свой гардероб в дорогом магазине в Лондоне, как только подписал контракт с бароном. Том не любил выбирать одежду и потому решил покончить с этим занятием раз и навсегда, чтобы уже до конца жизни не возвращаться в магазин. В тот день он потратил весь свой аванс. А теперь эти рубашки были его единственным напоминанием о былой жизни. Они были пошиты из тонкого, но прочного льна и практически не снашивались. Их даже гладить не приходилось. Том всегда выглядел так опрятно и подтянуто, будто у него была жена, следившая за его гардеробом.

Как только у него появились лишние деньги, он купил ванну и установил её в крошечной коморке между кухней и кладовкой. Это было довольно странное место для ванной, но в распоряжении Тома было не слишком много места, а от этого элемента цивилизации он не мог отказаться. В имении барона Миддлтона он часами мог мокнуть в ванне со стаканом бренди в руке. Увы, эти времена прошли безвозвратно. Впервые в жизни Том узнал, что такое грязь. До этого у него было очень смутное представление о том, что значило это слово. В один прекрасный день он с ужасом заметил воспалившиеся ссадины на суставах пальцев и чёрные полосы под ногтями. Оказывается, к джентльменам грязь липнет так же, как и к нищим. Здание, в котором располагалась таверна «Золотой якорь», было одним из немногих, где имелся водопровод, но Том не доверял старым ржавым трубам. Ему пришлось таскать воду из колонки через дорогу. У него не всегда хватало терпения нагревать воду, и он тогда принимал холодные ванны. Поначалу скрежетал зубами, но потом привык.

Посетители продолжали возвращаться в «Золотой якорь» потому что там были чистые стаканы и чувствовалось на вкус, что пиво не разбавлено. Слишком многие трактирщики грешили тем, что разводили пиво водой и подмешивали соль, чтобы скрыть жульничество. Честный трактирщик – большая редкость.

Однажды покинув приличное общество, Том не рвался туда вернуться. События за пределами Бермондси мало его интересовали. Он слышал какие-то слухи о беспокойстве в Вестминстере, о восстаниях в 1832 году, связанных с политическими реформами, о жутком пожаре, уничтожившем здание парламента в 1834 году. Когда очередная неприятная новость доходила до него, он лишь передёргивал плечами. Том даже повесил вывеску над входом в таверну. «Оставь все новости у порога». Очевидно, это был намёк на «Ад» Данте. Том гордился собственным остроумием, хотя понимал, что посетители в общей массе не умели читать. Они реагировали на крупные картинки, а не на текст. Тем не менее, Том всё-таки повесил эту вдохновлённую Данте вывеску не столько для завсегдатаев, сколько для самого себя.

Так он постепенно дичал, делая это с таким изяществом и достоинством, что, несомненно, заслужил бы одобрение своих бывших коллег. Разумеется, он сам себя порицал беспощадно. Излишняя привередливость к самому себе – обратная сторона надменности. Иногда он смотрел на себя в зеркало и видел существо, похожее на тощего медведя.

Том сохранил за собой право носить докторский титул, ведь философский диплом у него не отнимали. Философов не судят.

4

Осенью 1838 года Том совершил невообразимое – завёл собаку. Нет, он не пресытился одиночеством. Напротив, наслаждался им как никогда. Собака была ему нужна в качестве защитника. Тот район, в котором он жил, становился всё более опасным. Индустриальная революция делала своё грязное дело. Бермондси, который раньше был тихим портовым кварталом, превратился в очаг преступности. Крупные бараки, в которых когда-то хранили сырьё, наполнились семьями рабочих. На улице появлялось всё больше и больше беспризорных детей.

В тот же год открылась первая железная дорога, соединяющая Саутворк с Дептфордом. Это новое индустриальное чудо ещё больше расширило возможности преступников. Они врывались в вагоны и воровали товар. Однажды кучка грабителей захватила поезд, убила машиниста и растащила содержимое.

Нередко посреди ночи раздавались выстрелы. У Тома не было пистолета, потому что мирным жителям запрещалось держать огнестрельное оружие, а он был не из тех, кто ищет закон. В Бермондсти жило много бездомных собак, но ни одна из них не соответствовала требованиям Тома. Наконец он пошёл к заводчику и выложил свои требования.

– Мне нужен сторожевой пёс, похожий на волка, крупный и сильный, но в то же время не слишком прожорливый, верный, но не ласковый. Он должен быть в состоянии загрызть человека насмерть, но желательно, чтобы этим человеком был не я. Вот, пожалуй, и всё. Вы можете мне помочь?

Хозяин псарни кивнул и вышел во двор. Спустя несколько минут он вернулся с двухмесячным щенком на руках.

– Что вы мне такое показываете? – спросил Том с негодованием. – Я попросил показать мне собаку, а вы принесли какую-то слюнявую муфту с глазами.

– Уверяю вас, это не муфта. Когда щенок подрастёт, он будет весить около ста фунтов. Посмотрите, какие у него широкие лапы. А родословная – лучше не пожелаешь! Смесь лайки, овчарки и ирландской гончей. Серая шерсть, длинные ноги и чуть выгнутая спина. Чем не волк?

Том всё ещё продолжал недоверчиво хмуриться.

– И долго мне ждать, пока он подрастёт?

– Не больше года.

– Но у меня нет года в запасе! Мне нужна собака сию минуту.

– В таком случае, боюсь, не смогу вам помочь. Если я вам сейчас дам взрослого пса с такой родословной, то не могу обещать, что он вас не загрызёт. Взрослые собаки не слишком жалуют новых хозяев.

Том тяжело вздохнул, разрываясь между брезгливостью и нуждой. Хозяин псарни почувствовал замешательство Тома и, будучи опытным продавцом, слегка нажал на покупателя.

– На вашем месте я бы взял щенка сегодня же, потому что завтра его уже может не быть. Времена тревожные, как вы знаете, и хорошие сторожевые собаки на вес золота. Каждый день ко мне приходят люди и просят одно и то же. Этот щенок последний из выводка, и я не знаю, когда у меня ещё такой появится. Возможно, вам придётся ждать ещё три или четыре месяца.

Том ещё полминуты поразмыслил, потом хлопнул себя по карману и пробормотал:

– Беру.

Продавец завернул скулящего щенка в покрывало и передал его новому хозяину.

– Ну вот, теперь он ваш. Уверяю: не пожалеете.

Шесть месяцев ушло на то, чтобы придумать имя для нового компаньона. После долгих размышлений Том назвал щенка Нероном. Это имя гармонировало с его родословной, и во всей округе не было собак с таким именем. Несмотря на грозный вид, Нерон рос ласковым и

игривым вопреки стараниям Тома. У щенка были привычки класть лапы на плечи хозяину и лизать ему лицо. Каждый раз, когда щенок приветствовал его таким образом, Том отдёргивался и кривился. Он не мог заставить себя погладить животное, но в то же время у него не хватало духу его отпихнуть ногой. Изредка он вступал в беседы с собакой.

– Как жаль, что ты не набит опилками. Тогда бы из тебя вышел идеальный спутник. Мне вспоминается небылица одного датского писателя. Как его звали? Ах да, Андерсен. Так вот, он написал сказку про принцессу, которая предпочла тряпичную розу настоящей, а деревянную птицу – живой. Признаюсь, хоть я и не люблю принцесс, но с этой я в какой-то мере солидарен. В искусственных предметах определённый элемент бессмертия. Как ты думаешь, мизантропия совместима с медицинской профессией? Полезно иметь каплю здорового безразличия. Но у меня человеческое тело вызывает отвращение. Мне иллюстрации организма намного приятнее, чем сам организм. Я ничуть не сожалею о потере лицензии. Это своего рода освобождение от амбиций моего отца. Бедный папа думал, что звон золотых монет исцелит меня от мизантропии. Он даже продал свой летний коттедж, чтобы послать меня в университет. Эх, посмотрел бы он на меня теперь! А ведь я ему уже сто лет не писал. Даже не знаю, жив ли он. Однако какой же я неблагодарный подонок! Вот почему я сам никогда не обзаведусь детьми. Мне дурнеет от одной мысли, что они обойдутся со мной так, как я в своё время обошёлся со своим стариком. А Миддлтон отнёсся ко мне со всей допустимой мягкостью, за что ему воздастся. Признаюсь, иногда я скучаю по запаху его библиотеки. Но сколько черепахового супа, в конце концов, может съесть человек на своём веку? Мой философский диплом принёс мне больше удовлетворения, чем медицинский. Я пришёл к выводу, что я ни герой, ни любовник, ни мученик. Я – мыслитель. Эх, если бы можно было отключить все телесные функции ниже шеи и жить одной головой! Я бы всю жизнь мог валяться на диване, закрыв глаза, и рассуждать о тайнах вселенной.

Нерон чихнул и почесал за ухом.

– Вот ты меня понимаешь, – сказал Том одобрительно. – Ты умеешь расслабляться изящно и со вкусом. Ей-богу, если бы ты не ходил на четырёх лапах, я бы налил тебе опийной настойки за компанию. Но это гадкое зелье пригодно только для гадкой человеческой породы.

Опийная настойка стала новым пристрастием Тома. Он покупал опиум в чистом виде у местного аптекаря и разводил его спиртом, постепенно увеличивая дозы. В те времена врачи не заостряли внимание пациентов на том, что в опиуме может развиваться потребность. Все недуги: от головной боли до расшатанных нервов – лечились этим зельем. Матери давали его младенцам, у которых резались зубы. Настойка была недорогой и доступной почти всем. Одна унция стоила столько же, сколько литр пива. Том, который принимал настойку, для того чтобы снять напряжение, не сразу понял, почему ему надо было с каждым разом увеличивать дозу ключевого ингредиента, чтобы добиться желанного эффекта. Наконец ему пришлось в голову завести дневник и записывать свои наблюдения.

– Мой организм хорошо принимает опиум, – заключил он. – Это снадобье скоро станет вторым воздухом.

5

Том не переставал сам себя удивлять. Он завёл дневник, в котором описывал самые болезненные смерти представителей английской аристократии. Этот перл назывался «Англия на смертном одре».

При всём своём отвращении к человеческому телу Том не упускал ни одной тошнотворной детали. Заметки велись совершенно беспорядочно. Он записывал клинические случаи по мере того, как они всплывали в его памяти. Болезни аристократов были достоянием медицинской общины, но ни одному из врачей не пришлось в голову записать их в сборник. Гениальные идеи часто проскальзывают сквозь щели. К сожалению, рукопись в полном составе так и не дошла до нас. Но вот небольшой отрывок из неё, чтобы читатель имел представление о том, чем занимался доктор Грант, на досуге.

Его Светлость Натаниель Райдер, первый барон Харроуби, прослуживший лейтенантом-депутатом в Стаффордшире и Линкольншире, умер в 1803 году в возрасте шестидесяти семи лет. В один прекрасный вечер он ужинал в семейном кругу, и у него в горле, рядом с пицеводом, застряла рыбная кость. Сначала он не придал этому значения. Но кость начала разлагаться, воспалив мягкие ткани вокруг дыхательных органов. Его Светлость тщетно боролся за каждый глоток воздуха. Он скончался от удушья.

Генри Бриджмен, первый барон Бадфорд, окончивший Кембриджский университет с юридическим дипломом и прославившийся завидным здоровьем, наступил на ржавый гвоздь, и у него началась гангрена. Под надзором семейного лекаря доктора Хольта хирург Мистер Грейрок ампутировал ногу до колена. Однако же это не остановило гангрену, и хирургу пришлось повторить операцию, ампутируя остаток ноги до самого бедра. Пациент умер от потери крови в возрасте семидесяти пяти лет.

Его Величество король Вильгельм Четвёртый, бывший герцог Кларенский, под конец жизни весил около двухсот тридцати фунтов. Его печень увеличилась. И без того грузное туловище раздулось до таких объёмов, что невозможно было застегнуть пуговицы его камзола. Кожа и белки глаз стали желтее, чем когда-то были его волосы. Ежедневно его рвало желчью.

Генри Фипс, первый граф Мулгрейв, выпускник Этонского колледжа, личный друг Вильяма Питта Младшего, умер 7 апреля 1831 года, после того как его укусила одна из его же охотничьих собак. Его челюсти застыли, и изо рта потекла белая пена. Глаза оставались широко раскрытыми, хотя зрачки закатились. Увидев своего господина в таком плачевном состоянии, беременная служанка упала в обморок и потеряла выкидыш.

Лорд Линдон Хелмсли, барон Хангертон, бывший оксфордский профессор и друг покойного короля Вильгельма Четвёртого, умер в 1831 году в возрасте сорока лет. Всё началось с того, что по его телу пошли странные синяки. Твёрдые комки набухли на шее и под подбородком. Из носа и ушей потекла кровь. Дёсны тоже начали кровоточить. По мнению семейного врача, причиной смерти лорда Хангертона послужило заражение крови, хотя сам покойный барон считал, что его отравили враги за его республиканские взгляды.

Том нарочно писал на английском вместо латыни, потому что не собирался издавать «Англию на смертном одре». Это был не медицинский учебник, а всего лишь дневник злорад-

ства. Он глумился из глубины своей норы не столько над пациентами, чьи страдания он описывал, сколько над бывшими коллегами.

Часть вторая

МЕТЕЛЬ

(Бермондси, январь 1839)

1

Жители Бермондси долго не могли забыть метель в январе 1839 года, когда за одну ночь намело почти метр снега. Грязная трущоба превратилась в блистательную пустыню. Местные лавки и трактиры пришлось закрыть на несколько дней.

«Золотой якорь» пустовал. Том прекрасно понимал, что терял деньги, но с другой стороны наслаждался одиночеством. Он только что допил свою привычную дозу настойки и устроился в кресле перед камином с огромным медицинским справочником на коленях. Он даже не читал, а просто переворачивал страницы. Его радовала сама роскошь растянуться у огня с книгой.

– Почаще бы время останавливалось, – говорил он Нерону, вольготно развалившемуся у его ног. – Мы узники бури. Это краткосрочное заключение мне не в тягость. В нашем распоряжении вся таверна. Не завидую тем бедолагам, которые топчутся друг по другу в рабочих домах.

Вдруг Нерон зарычал. Его поджарое тело напряглось. Шерсть на его спине встала дыбом.

Том вздрогнул и положил руку Нерону на голову. Это было чуть ли не первым его добровольным прикосновением к собаке. Пёс устремил взор серых глаз к окну и зарычал громче.

– Уймись, – приказал Том, сжимая щетинистый загривок. – Там никого нет.

Но Нерон становился всё более беспокойным.

Том неохотно поднялся с кресла, отдернул занавеску и выглянул в окно. Улица была совершенно пуста.

– Ну, что я тебе говорил? Кто будет разгуливать в такую погоду?

Вдруг на мостовой, тускло освещённой уличным фонарём, он увидел следы на снегу и несколько тёмно-красных пятен. Том торопливо задернул занавески и отпрянул от окна. Несколько секунд спустя из погреба раздались странные звуки. Что-то рухнуло. Что-то разбилось вдребезги. Нерон вскочил и положил передние лапы на дверь, ведущую в подвал. Не было сомнений, что кто-то с улицы проник в погреб.

Том удержал пса за ошейник.

– Проклятие... Ещё чего не хватало...

Шум улёгся, но Нерон продолжал рычать и рваться в погреб.

– У меня собака! – крикнул Том воображаемому грабителю. – Злющая собака, которая горло перегрызёт.

Ему не пришло в голову соврать и сказать, что у него есть ружьё. Даже в опасности он оставался болезненно честным.

Одной рукой Том удерживал пса, а в другой – нёс фонарь, освещая себе дорогу вниз по ступенькам.

Он уже наполовину спустился, когда дверь, которую он хотел держать открытой, шумно захлопнулась у него за спиной. Нерон, испуганный резким звуком, рванулся вниз. Пальцы Тома соскользнули с ошейника. Одним прыжком пёс покрыл оставшееся расстояние лестницы.

– Нерон, вернись! – крикнул Том.

Но было поздно. Подозрительное рычание пса превратилось в яростный лай. Он лаял так, будто загнал грабителя в угол.

Фонарь излучал достаточно света, чтобы Том видел на расстоянии метра перед собой.

Окно, расположенное на уровне тротуара, было разбито. Ветер успел надуть снега в погреб. Несколько бочек были перевёрнуты. За одной из них Том увидел чью-то ногу в рваном башмаке. Нога судорожно дёргалась. Том отшвырнул в сторону пустые бочки и ахнул. Перед ним в луже крови и разлитого пива лежал мальчик лет десяти, закрывая лицо руками. Между пальцев у него сочилась кровь.

подавляя в себе отвращение, Том отвёл руки мальчика, и его глазам предстала бесформенная масса распухшей плоти. Правая щека была проколота насквозь, левый уголок рта был надорван, а переносица сломана.

Глядя на состояние ребёнка, Том стряхнул с себя оцепенение. Клятва Гиппократа, от которой он в сущности и не отрекался, взяла своё, затмив брезгливость. В конечном счёте врач восторжествовал над мизантропом. Том подставил плечо мальчику и повёл его наверх.

– Не слишком роскошный кабинет, – бормотал он. – Придётся довольствоваться тем, что есть.

Он усадил ребёнка в кресло, подложил ему под шею свёрнутое валиком полотенце и набросил на него покрывало.

– Не спи, пока я не разрешу, – приказал он и хлопнул в ладоши перед глазами мальчика. – Не ускользай.

Мальчик всё слышал, но ничего не видел, так как его веки распухли.

– Ты случайно не дворянин? – спросил Том, не ожидая ответа. – Очень надеюсь, что ты простолюдин, потому что иначе у меня руки связаны. Видишь ли, мне запрещено законом увечить представителей высшего класса. Но ты ведь к ним не относишься? Думаю, не будет лишним представиться. Я Томас Грант, доктор медицины и философии, магистр истории и литературы. Вот почему я, собственно, и живу впроголодь. А чем ты объяснишь своё скитание по улицам? Впрочем, можешь не отвечать. Помогать мне будет мистер Фрейзер.

И Том повёл рукой налево, где обычно стоял хирург. Мальчик не видел, что Том показывал на пустое место.

– Он лучший хирург в Лондоне, – продолжал Том. – Мы с ним вместе работали у барона Миддлтона. Я без мистера Фрейзера никуда. Без его рук от моих мозгов мало толку. Тебе повезло, шалопай. Тебя будут лечить два самых лучших медика. Всем бы так!

У Тома не было под рукой ничего, кроме опиума и валерьянового экстракта. К собственному стыду, он забыл, какой концентрации была смесь. Его бывшие коллеги пришли бы в ужас, если бы узнали, что он использовал опиум в качестве анестезии. Ничего лучшего у Тома под рукой не было. Ему предстояла задача усыпить пациента, при этом не отравив его. Если бы доза была слишком мала, мальчишка бы почувствовал каждый шов. Если бы доза оказалась слишком велика – он бы вообще не проснулся. Болевой шок или смерть.

Том осторожно разжал мальчику челюсти и вылил содержимое бутылки ему под язык.

– Сейчас я начну медленно считать до десяти, – сказал он. – Слушай мой голос и ни о чём больше не думай.

Когда Том досчитал до семи, мальчик перестал дрожать. Его тело вытянулось и расслабилось. На счёт десять он крепко спал.

Том достал ящик с инструментами, который уже столько лет лежал без употребления.

– Посмотрите на это безобразие, мистер Фрейзер! – воскликнул он негодуя. – Эти инструменты столетней давности. Как мы будем ими оперировать?

Том наполнил котелок раствором уксуса и поставил на плиту. Когда со дна поднялись первые пузырьки, он высыпал содержимое ящика в котелок. Один из его однокурсников говорил, что это помогает предотвратить инфекцию. Пока инструменты кипятились, он взял мыло и щётку и принялся тереть себе руки. То и дело Том оборачивался и бросал взгляд на лежащего без сознания ребёнка.

– Записывайте данные, мистер Фрейзер. Пациент мужского пола. Возраст – около десяти лет. Сквозные раны на лице, перелом челюсти и переносицы. Вы успеваете всё записывать? Эх, нелёгкая нам предстоит работа – сшивать мягкие ткани. Ведь пациент ещё растёт. Костная структура меняется. Ему повезло, что это случилось зимой. Холод предотвратит гангрену. Случись нечто подобное летом – и его лицо сгнило бы.

Вскоре инструменты были готовы. Том вытащил их из кипятка щипцами и разложил на чистом полотенце. От одного вида сверкающего металла его передёргивало.

Ему бы не помешала очередная доза успокоительного, перед тем как приступить к работе, но у него больше не было опиума. Он отдал последние капли пациенту. Пришлось открыть бутылку виски. Как только его руки перестали дрожать, он закатал рукава и методично размял суставы пальцев.

– Мистер Фрейзер, – сказал он, – вы у нас верующий, кажется. Так помолитесь же за нас обоих.

2

Созерцая результат своей работы, Том чувствовал присутствие своих однокурсников из Кембриджа. Завистники собрались позлорадствовать, поглумиться над ним. Он слышал шелест бумаг у себя за спиной, шёпот, надменное хмыканье.

«Полюбуйтесь, господа! Наш Томми Грант латает нищих, брызгает их опиумом и укусом. Удалась карьера, ничего не скажешь. Его родители умрут от позора».

Том сидел в кресле напротив своего таинственного пациента.

– Надеюсь, я не переборщил с опиумом, – бормотал он. – Откуда мне знать, какая доза нужна ребёнку? Ведь я не аптекарь. А этот бездельник всё дрыхнет. Вдруг он не проснётся? Ещё этого не хватало.

Наконец мальчик зашевелился. Несколько раз он разжал и снова сжал кулак, точно пытаясь за что-то ухватиться. Том поднялся из кресла и пощупал ему пульс. Сердце билось слабо, но ровно. Колено ребёнка дёрнулось. Забинтованная голова перекатывалась из стороны в сторону.

Том понимал, что, по идее, он должен испытывать гордость, глядя, как пациент возвращается к жизни, однако его трясло от мысли о предстоящем объяснении. Как бы потактичнее объяснить перепуганному ребёнку, что он, скорее всего, будет изуродован на всю жизнь? Словами Том владел ещё хуже, чем хирургическими инструментами.

Приоткрыв отёкшие веки, мальчик поднёс дрожащие руки к лицу и потрогал повязки.

– Не трогай, – сказал Том, пригрозив пальцем. – И не разговаривай. Не раскрывай рот и не двигай челюстью. Ты будешь не в состоянии ни есть, ни пить на протяжении нескольких дней. Но ведь ты и раньше ходил целыми днями без еды, так что тебе к этому не привыкать. Не поворачивай голову резко. Старайся, чтобы подбородок не касался груди. Иначе швы разойдутся, и мне придётся повторить эту приятную процедуру, только на этот раз уже без наркоза. Я потратил на тебя последнюю каплю опиума. А аптекарь, как назло, уехал и вернётся не раньше, чем через три недели. И я теперь буду сидеть как дурак без любимого лакомства.

Мальчик медленно убрал руки от лица.

– Знаешь ли ты, какие неудобства ты мне причинил? – продолжал Том. – Я терпеть не могу вида крови, а её запах и подавно. Каждая травма уникальна. Тут нет никаких протоколов лечения. А у тебя все воображимые типы ран и переломов. В носовой пазухе скопилась кровь, которую мне пришлось откачать. Тот, кто тебя разукрасил, явно хотел задать мне работёнку. Мне удалось поставить на место сломанные кости. Нижняя челюсть должна срастись. Вот переносица – это уже другой вопрос. С раздробленным хрящом мало что можно сделать. Смирись с тем, что тебе, возможно, всю жизнь будет трудно дышать через нос. А теперь о менее приятном. С горем пополам я восстановил мягкие ткани. За результат не ручаюсь. Остаётся лишь набраться терпения и ждать. Сейчас рано что-либо предсказывать, но я тебе с уверенностью могу пообещать глубокие рубцы, частичную потерю чувствительности и изменение мышечных контуров. Ты хоть вникаешь в то, что тебе говорят?

Мальчик понимал от силы третью часть того, что говорил суровый доктор, но тем не менее кивнул.

– Не кивай! – прикрикнул на него Том. – Что я тебе сказал? Головой думай, а на вопросы отвечай руками. Если «да», то поднимай правую руку, а если «нет» – то левую. Понял?

Мальчик поднял правую руку.

– Ну и прекрасно! Раз ты полностью пришёл в себя и мы установили метод общения, ты сможешь ответить на кое-какие вопросы. Вон, смотри, к тебе пришли гости.

Том приоткрыл дверь и кого-то поманил.

– Офицер МакЛейн, пациент готов к допросу, – сказал он.

Вошёл констебль в сопровождении двух пилеров ¹, как тогда называли полицейских. Все трое были около шести футов ростом в соответствии с кодексом. Их тяжёлые шерстяные шинели, наброшенные поверх тёмно-синих мундиров, делали их ещё массивнее. В таком виде эти люди проводили всю свою жизнь, потому что закон требовал, чтобы офицеры носили форму даже в нерабочее время. А работали они семь дней в неделю. Их жалованье составляло около пятидесяти фунтов в год. Разумеется, столь приятные рабочие условия пробуждали самые светлые чувства в этих людях.

При виде полицейских мальчик прижался к спинке кресла и глухо простонал.

– Не бойся, – успокоил его Том. – Я пока ещё не готов передать тебя властям. Сначала ты должен расплатиться за доставленные мне неудобства. Поблагодари констебля за участие. Ведь не каждый полицейский будет мारать руки ради подобных тебе. Но офицер МакЛейн – добросовестный хранитель закона. Он проводил ночной дозор даже в такую погоду, по сугробам. Я увидел его на Стоун-Стрит и позвал на помощь, а он великодушно отозвался. Уж больно ему хочется, чтобы в Бермондси был порядок. Я знаю, то, что с тобой стряслось, – не просто несчастный случай. Кто-то над тобой поработал от всей души. Ты был знаком с этим извергом?

Мальчик поднял правую руку. Том повернулся к констеблю.

– Записывайте. Пострадавший знал своего обидчика.

И потом он опять обратился к мальчику.

– Ты знаешь, где найти его?

Мальчик повторил жест.

– Ну и славно, – заключил Том. – Хоть каких-то сведений добились. Скажи нам теперь, есть ли ещё пострадавшие?

Глаза ребёнка округлились, будто он что-то вспомнил. На этот раз он не поднял руку. Он опёрся на подлокотники кресла, пытаясь встать.

– Куда ты так рвёшься? – спросил Том. – Допрос ещё не закончен.

Но мальчик уже стоял на ногах. Он попытался сделать несколько шагов и тут же пошатнулся, схватившись за грудь и горло.

– Вот она, сухая тошнота, – сказал Том спокойно, будто видел сотни таких случаев. – Побочный эффект от наркоза. Скажи спасибо, что у тебя желудок пустой. Если бы тебя сейчас вырвало, швы точно разошлись бы. Вот когда наркоз полностью отойдёт, голова прояснится... Но и боль тоже станет заметнее. Сейчас ты ничего не чувствуешь, но через несколько часов запоешь другую песенку. А пока что сиди.

Не обращая внимания на указания врача, мальчик схватил констебля за руку и потянул к выходу.

¹ Пилер (Peeler) – жаргонный титул английский полицейских, в честь Роберта Пила.

3

Около пяти утра небольшой отряд, состоящий из четырёх взрослых мужчин, ребёнка и сторожевой собаки, вышел из «Золотого якоря» и направился по узкой тропинке, протоптанной в снегу. Впереди шёл констебль, освещая дорогу фонарём. За ним – мальчик, которого с обеих сторон охраняли полицейские. За ними следовал Том, удерживая Нерона за ошейник.

За ночь метель улеглась, но ветер усилился, сметая снег с крыш, и потому казалось, что метель продолжается.

Ледяной воздух взбодрил ребёнка. Его дыхание стало глубже, а походка – увереннее. Он почти бежал. Полицейские удерживали его за рукава, боясь, что он попытается удрать от них.

Мальчик уверенно вёл их по лабиринту узких переулков, которые, как видно, были ему хорошо знакомы. Отряд зашёл прямо в квартал, именуемый Островом Якова. В 1839 году это была пустыня из гнилой древесины. Только половина построек была населена. Остальная половина пустовала. Тот, кто никогда прежде не бывал на Острове Якова, не смог бы угадать, в которых из этих построек жили люди. Ни в одном окне не горел свет. Керосин в те времена стоил недёшево.

– Куда ты нас ведёшь? – спросил констебль у своего проводника.

Мальчик продолжал идти. Наконец он остановился перед зданием, которое походило на заброшенный склад. Штукатурка на стенах пузырилась и рассыпалась от влаги, обнажая плохо сложенные кирпичные стены. Все окна на верхнем этаже были разбиты, отчего комнаты наполнились снегом.

МакЛейн дёрнул ручку двери и обнаружил, что дверь была заперта изнутри.

– Да нет здесь никого, – сказал он своим спутникам. – Мальчишка морочит нам голову.

Ребёнок показал пальцем вниз.

– Что, там ещё кто-то есть? Кто-то прячется внизу?

Мальчик поднял правую руку.

– Я знал, что надо было взять побольше людей, – буркнул констебль и обратился к своим сослуживцам. – Придётся взламывать замок. И чтобы без лишнего шума.

Один из офицеров достал из кармана тонкий металлический инструмент, похожий на маленькую пилу, вставил её в замочную скважину – и дверь сама распахнулась с лёгким скрипом.

Полицейские вошли первыми. За ними последовал констебль. Он прошёл мимо ребёнка, который продолжал неподвижно стоять у входа.

– Что же ты неходишь? – спросил Том мальчика, который прислонился спиной к стене. – Если тебе плохо, ни в коем случае не садись на снег. Вот так люди засыпают и замерзают насмерть. Опирайся на меня.

Ощувив поддержку, ребенок взял себя в руки и вошёл внутрь. Полицейские стояли перед закрытой дверью в конце коридора. Сквозь щели пробивался слабый красноватый свет. Несомненно, в комнате кто-то находился.

За закрытой дверью раздавался звон стекла и мужской голос, бормочущий цифры и формулы. Том почувствовал лёгкий холодок между рёбрами, потому что этот голос показался ему знакомым. Он уже где-то слышал это бормотание.

– Похоже, там всего один человек, – сказал МакЛейн. – Считаю до трёх...

Два офицера, стоявшие по обе стороны входа, приготовились к вторжению.

Констебль толкнул дверь ногой – и она распахнулась. Она даже не была заперта. Офицеры ворвались в комнату.

– Полиция Её Величества! – выкрикнул констебль.

Никто не откликнулся. Полицейские окинули взглядом комнату. Она была около восемнадцати квадратных метров. Её освещала лампа, подвешенная с потолка на крючке. Из мебели были лишь длинный прямоугольный стол и широкий книжный шкаф. Полки шкафа оказались туго набиты книгами и листами с записями от руки.

На столе, прямо под лампой, лежало нечто, прикрытое грязной простынёй. Констебль сдёрнул простыню – и всеобщему взору предстало обнажённое тело маленькой девочки. Её правая рука свешивалась со стола. На запястье виднелось несколько надрезов. В конце стола было выставлено в ряд несколько пробирок, наполненных красной жидкостью. Должно быть, это была кровь, разбавленная каким-то раствором.

Все, включая констебля, вздрогнули и отвернулись. Один мальчик не отвернулся. Похоже, что это место было ему уже знакомо. Он подтолкнул локтем ошарашенного МакЛейна и указал на тёмный угол комнаты, куда не проникал свет лампы. Там, в узкой нише между стеной и книжным шкафом, прятался человек.

– Полиция Её Величества, – повторил МакЛейн с едва заметной дрожью в голосе.

Человек выступил из тени на свет, скрестив руки на груди.

Том узнал своего бывшего ассистента, мистера Фрейзера. Это адское логово, наполненное запахом крови и спиртного раствора, служило ему лабораторией, где живые люди подвергались пыткам во имя науки.

Мистер Фрейзер был одет так, будто собирался на дом к богатому пациенту. На его белой рубашке не было ни капли крови.

Он даже не смотрел на полицейских. Его взор был прикован к Тому.

– В чём дело, доктор Грант? – спросил он надменно. – Вы никогда раньше не видели человеческого тела?

Том с трудом выжал из себя слова:

– Как вы могли? Почему?

Хирург заносчиво вздёрнул подбородок.

– Потому что люблю свою работу. Вам, кембриджским выпускникам, этого не понять. Вы тупо глотаете факты, опубликованные вашими предшественниками. Руки запачкать? Не приведи господь! Вы вообще знаете, откуда берётся знание? Вы думаете, что научные открытия падают с неба? Представьте себе, все великие врачи прошлого, которыми вы так восхищаетесь, всему учились на практике. Они не боялись разрезать человеческое тело, будь оно мёртвым или живым. Есть такие вещи, которые можно узнать, только наблюдая за живым организмом. У вас это называется вивисекцией.

– А как же клятва?

Хирург рассмеялся.

– Доктор Грант, вы ещё заикаетесь о клятве? Вы уже забыли, из-за чего вас лишили лицензии? Хотите, чтобы я вам напомнил при свидетелях? Что касается меня самого, я никаких клятв не нарушал. Более того, я их ревностно соблюдал. Эти дети уже были изувечены, когда их ко мне принесли. Я их не увечил собственноручно. У меня долгосрочный контракт с одним из местных жителей. Он приносит ко мне больных и раненых. Как они пострадали – это уже не моё дело. И я ничего не делаю, чтобы намеренно ухудшить их состояние. Напротив, я пытаюсь их спасти. Я пробую различные методы лечения, которые ещё не были одобрены медицинской коллегией. Некоторые методы удачнее других, вот и всё. Всё это время я записывал свои наблюдения в дневник с намерением когда-нибудь опубликовать.

– Но почему детей?

Хирург раздражённо передёрнул плечами. Он не мог поверить, что всезнающий доктор Грант задавал ему такие глупые вопросы.

– Вы как бывший врач должны бы знать, что молодая кровь свёртывается, а молодая плоть заживает быстрее. Вы бы не осуждали меня так жёстко, если бы знали, сколько интерес-

ных наблюдений я почерпнул из своей практики. Эти дети и так были обречены с рождения. Рано или поздно их бы настигли грипп или дифтерия. Девочка, которая перед вами, уже умерла от голода, когда её ко мне принесли. Посмотрите на её габариты! Ей по меньшей мере полтора года, а весит она, как шестимесячная.

В голосе хирурга не было ни намёка на раскаяние. Он держался гордо и вызывающе, точно мученик просвещения.

– Мистер Фрейзер, – сказал Том, когда к нему вернулся дар речи, – вы выдвинули весьма веские аргументы. Я вижу, что вы сами себя убедили в своей правоте. Я восторгаюсь тем, как хитро вы обошли собственную совесть. Но, боюсь, вам не удастся обойти закон.

Констебль, который ещё не успел оправиться от увиденного, знаком приказал своим полицейским надеть на хирурга наручники. Мистер Фрейзер не сделал никаких попыток убеждать. Он только осторожно поставил колбу на стол. Даже на грани потери свободы он всё ещё заботился о своих научных принадлежностях.

Том завернул умирающую девочку в заляпанное кровью полотенце.

– Посмотрим, чем я смогу ей помочь, – сказал он без особого оптимизма.

– Можете взять мой фонарь, офицер МакЛейн. Вам он нужен больше, чем мне. Нерон доведёт меня до дома. У меня руки заняты.

Констебль не стал возражать и взял фонарь. Вдруг его взгляд упал на ребёнка, который стоял в углу всё это время.

– Ступай с доктором Грантом. Тебе скоро надо будет сменить повязку.

Но мальчик не собирался идти за Томом. Он подошёл к констеблю и потянул его за рукав шинели.

– Ты хочешь нам ещё что-то показать? – спросил МакЛейн. – Бог с тобой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.